

Владимир ШУБИН (ГЕРМАНИЯ)

Родился в 1949 г. в Ленинграде, детство прошло в Карелии, юность в Сибири. Закончил Ленинградский институт авиационного приборостроения, работал инженером, затем многие годы экскурсоводом по Ленинграду, позже зам. главного редактора в журнале «Искусство Ленинграда», был главным редактором альманаха «Арс», заместителем директора по науке в музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Автор книги «Поэты пушкинского Петербурга» (Л., 1985), многих популярных и научных публикаций по краеведению и истории литературы. Рассказы и мемуарная беллетристика последних лет печатались в журналах «Крещатик», «Зарубежные записки», «Нева», «Сибирские огни», «Повесть» (Сербия). Живёт и работает в Мюнхене.

ГОСТЬ НА ПОМИНКАХ

Похороны проходили как обычно. Представители фабрики, где до пенсии работал покойник, несли гроб, произносили речи, вдова утирала слёзы и тихо всхлипывала, родственники и соседи отводили взгляд от пожелтевшего мёртвого лица и сокрушённо кивали друг другу. Все ждали конца церемонии.

«Какое несчастье... Какое несчастье, не правда ли?.. – с глубоким вздохом произнёс кто-то рядом со мной. – Вы, наверное, тоже хорошо знали покойного?» Незнакомец был скромно одет, подтянут, в слегка поношенном старомодном костюме – бухгалтер-пенсционер старых времён или ветеран технической интеллигенции среднего звена... «Мы были соседями, – кивнул я ему, – двадцать пять лет на одной площадке...»

«Примите мои соболезнования... такая потеря...» – он протянул руку и, пожимая ладонь, опустил веки. «А вы?..» – поинтересовался я. Уголки его рта чуть дрогнули и растянулись в грустную полуулыбку: «Я?..» Он снова глубоко вздохнул, и мне стало неловко, будто не узнал кого-то из близких умершего соседа. «Простите...» Незнакомец уже осматривался вокруг. «В себя не приду... чуть не опоздал... Не знаете случаев, есть ли здесь кто-нибудь из школьных товарищей усопшего?» Мне оставалось только пожать плечами: «Ну... это едва ли... Кроме членов семьи и соседей остальные приехали на фабричном автобусе, с бывшей работы Василия Степановича...» – «Бедный Вася!.. Нас почти не осталось – мальчишек его детства...» Он замолчал, сгорбился и, чуть склонив голову набок, застыл, глядя на пока ещё незаколоченный гроб.

Когда возвращались от свежей могилы к машинам, я снова увидел его – он стоял перед грузной вдовой, сжимал её ладонь двумя руками и сокрушённо покачивал головой. «А вот и Ваня, – вдова указала в мою сторону, освобождая руку, – у него в машине есть

свободное место, садитесь к нему». – «Помилуйте... совсем неудобно... – стал отнекиваться незнакомец, – поминки... узкий круг... меня же никто не знает...» – «Как это не знает? – я подхватил его под локоть и жестом показал на мой Опель. – Как не знает? Вас Василий Степанович знал... и Тамара Александровна... жена... вдова...» – «Ну что вы... неудобно, с вдовой-то мы сейчас познакомились... Я ведь после школы в армию ушёл и Васю из виду потерял, на десятилетия... И вот... – он остановился перед машиной, – если позволите, на переднее сидение...»

В пути он представился: «Сергей Иванович». Я познакомил его с дочерью и зятем покойного, сидевшими вместе с маленьким сыном позади нас, и поинтересовался, как же он узнал о похоронах. «Случай! Случай и, если позволите, Судьба! – он стал заметно словоохотливей, чем в первую минуту знакомства. – Мир тесен... С человеком одним разговорился... молодость вспомнил, школу, тут и Васю упомянул. А он, собеседник-то мой, каким-то боком знал его – не близко, но знаком был. Бросился справки наводить, позвонил кому-то, а там ему ответили: умер Степаныч, похороны послезавтра...» Он стал смотреть в окно и, ни к кому не обращаясь, тихо произнёс: «Бедный Вася... Наше незабываемое детство... Оно ушло в безвозвратное прошлое и затянулось патиной времени...» И после нескольких минут молчания обернулся к Нине, дочери Василия Степановича: «Вы, конечно, знаете, где учился ваш папа...» – «На Сретенке, – они же после войны там жили...» – «На Сретенке, – утвердительно кивнул Сергей Иванович, – да-с...»

Почти до самой Москвы мы ехали молча. Сергей Иванович лишь покачивал головой, погружённый в свои воспоминания. Неожиданно он улыбнулся и, повернувшись к самому маленькому из наших пассажиров, спросил: «Ты когда-нибудь носил шаровары? Нет? А мы с твоим дедом носили, широкие такие...» – «А в детстве дедушка тоже был пьяницей?» – поинтересовался пятилетний Антон. «Не говори глупостей! – набросилась на него мать. – Как тебе не стыдно...» – «Сама, сама его так обзывала», – начал было оправдываться мальчик, но Сергей Иванович остановил его: «Это ты забавно пошутил, но детей-пьяниц не бывает, поверь мне... Твой дед тоже любил шутить, ещё мальчишкой... И вообще... был весёлым, сильным... Только вот время тяжелое нам досталось... Но мы не унывали... Знаешь, как мы с ним на деревянных самокатах по сретенским переулкам наперегонки носились?.. Сами их мастерили: струганая доска, подшипники вместо колёс... Носком левой ноги отталкиваешься, пяткой тормозишь... В ушах свистит... И он почти всегда меня обгонял – твой дед...» Сергей Иванович замолчал, словно запнулся, и, отвернувшись к окну, с тяжёлым вздохом произнёс: «Да... Большие люди уходят неожиданно и навсегда...»

Почему-то именно велееречие, в которое впадал в общем-то приятный в общении друг Василия Степановича, наводило меня на мысль, что на поминках он, скорее всего, напьётся.

Нет. Он знал меру и не налегал на спиртное. За столом мы снова оказались рядом. «Не поверите, – опять разговорился он, – как я страдаю, что не застал Василия живым... Я ведь на ответственную работу был переведён – в провинцию... В родную Москву недавно вернулся... А раньше... вырвешься сюда в министерства, ведомства, первая мысль – друга разыскать, но... Всё же на мне висело: планы, отчётность, лимиты, фонды... И всё нужно согласовывать, выпрашивать, выбивать, за всё отчитываться... То министр к себе вызовет, а то и член Политбюро... Подайте мне, пожалуйста, вон там... заливное... Благодарю вас...» Ел он не спеша и всякий раз, откладывая вилку с ножом, аккуратно промокал губы салфеткой, водку отпивал маленькими глотками. За внешними чертами старомодного бухгалтера стала проступать сановитость ответственного работника, закусывающего в ведомственном буфете на Старой площади. И всё же меня не оставляло чувство, что гость немного увлёкся и речь того и гляди пойдёт о тридцати пяти тысячах курьеров. И не ошибся... «Каждый раз давал себе слово, – продолжал Сергей Иванович, – разыскать Васю... Ах, да что там говорить, молодой человек, – нет мне оправдания... Но... когда на тебе такой груз ответственности, когда за тобой в провинции десятки тысяч рабочих и служащих... и от твоего правильного шага в коридорах власти так много зависит... Разве мы для себя жили?...»

После первых поминальных тостов разговор за столом стал оживлённей. Траурная церемония, завершив ещё один необходимый виток, плавно перетекала в сдержанное вечернее застолье. Несколько молодых людей, вовсе не знавших Василия Степановича и оказавшихся тут только потому, что их направили с фабрики «нести гроб», порывались уйти, но Тамара Александровна просила не спешить – «на кухне разогревается борщ, и ещё котлеты будут – как Вася любил».

Сергей Иванович попросил слова. Он поднялся с места, откашлялся, опустил веки. Разговор стих, но Сергей Иванович продолжал ещё некоторое время молча стоять – с рюмкой в руке и с полузакрытыми глазами. Я посмотрел на наполненную водкой и прикрытую корочкой хлеба любимую гранёную стопку Василия Степановича, пустой стул, над которым нависало затянутое простынёй зеркало, и, может быть, впервые понял, что соседа больше нет.

«Дорогие родные покойного, уважаемые друзья и сослуживцы... – Сергей Иванович открыл глаза и обвёл всех медленным взглядом. – Позвольте мне, незнакомому здесь человеку, разделить с вами это большое горе. Для меня оно такое же личное, как и для вас.

Здесь много сегодня говорили об усопшем. Но никто из присутствующих, кроме меня, не знал его мальчишкой, никто, кроме меня, не был рядом, когда формировались его характер и душа... Только я помню, как он, будучи ещё сорванцом, рвался на фронт – бить фашистов, как нёс на своих хрупких плечах тяготы послевоенного детства, как он рос, учился и мужал. Позднее я потерял его из виду, но никогда не расставался с уверенностью, что Василий не изменил себе – остался верным товарищем, трудолюбивым и сердечным человеком. И сейчас, глядя на вас, я понимаю, что не ошибся. Теперь я вижу, что друг моего детства прожил жизнь достойно, став незаменимым работником на фабрике, любящим мужем, заботливым отцом и ласковым дедушкой.

Судьбы людские загадочны. Два школьника гоняют мяч во дворе на Сретенке, потом жизнь разводит их по разным дорогам, чтобы только полвека спустя свести вновь: один будет лежать в гробу, второй оплакивать его среди...»

Голос Сергея Ивановича предательски дрогнул, он замолчал, сдавливая тихий всхлип. Не знаю, как повели себя другие, но я опустил взгляд, чтобы не смущать старика.

«Многие люди, особенно молодые, тяготеют погребальным обрядом, – продолжил Сергей Иванович, справившись со своим замешательством. – Лишь с годами начинаешь ощущать то завораживающее таинство, в которое погружены и умерший и ждущие своего часа... Я не церковник, у них свои толкования... Вот у Пушкина по другому поводу написано, а я всегда на кладбище вспоминаю: *Печаль моя светла...*

С этим чувством светлой печали представляю я сейчас Василия – таким, каким его знал: молодым, крепким, уверенным, жизнелюбивым. Он всегда приходил на помощь. Помню, классе в девятом, была у нас контрольная по химии, и я что-то там недоучил, недочитал... Вася сразу заметил моё беспомощное состояние и, рискуя быть пойманным, написал на промокашке нужные формулы и незаметно подвинул листок ко мне. Но заметьте: по дороге домой он объяснил мне суть непонятой мною химической задачки... Он уже тогда был человеком настоящих принципов...

Дорогой Вася! Ты ушёл от нас, но ты с нами – в памяти и сердцах всех, кто тебя знал, любил и любит. Ещё раз прости, что дорогу в твой дом я нашёл только после твоей смерти».

Он пригубил рюмку и неторопливо опустился на стул.

Молодые люди, присланные «нести гроб», стали вразнобой произносить «земля пухом... царствие небесное...» и тоже приложились к рюмкам. Вдова, утирая слёзы, тяжело поднялась со стула и благодарно раскланивалась в сторону Сергея Ивановича. Бабушка Николаевна из тринадцатой квартиры слезливо запричитала: «Вот ведь какие люди

нынче помирают...» Дочь просила всех не забывать про закуску – «наготовили много, кушайте, пожалуйста, а то пропадёт...»

Обычно я не переносу ни заздравных, ни похоронных речей, меня коробит от риторики виртуозов этого жанра. Впрочем, Сергей Иванович был, пожалуй, не самым большим мастером, но и кандидаты в мастера у меня всегда вызывали оскомины. В этот раз происходило, однако, что-то не совсем обычное. Может быть потому, что я разомлел (уже давно был растёгнут пиджак, и я томился желанием незаметно расслабить ремень)... А может, меня просто обезоруживала искренность Сергея Ивановича. И жест, и интонация, и взгляд превращали у него *простое* (чтобы не сказать *примитивное*) в душевное переживание, а *слащавое* – в сердечный порыв. Сентиментальный старик, чуткий, приветливый и, наверное, одинокий... Конечно, его заносит, но... Я наклонился к нему и негромко, но так, чтобы и другие могли слышать, сказал: «Главное, что вы *нашли* дорогу в этот дом, пусть и с опозданием...»

Он ничего не сказал, но явно был растроган.

На прощание Сергей Иванович галантно склонился перед сидящей вдовой и поцеловал её пухлую руку. Не привыкшая к такому обращению Тамара Александровна смутилась: «Ой, да что вы... Вы уж теперь это... просто заходите, не забывайте...» – «Непременно, теперь уж непременно... – охотно соглашался он, – а как же иначе?.. Васина семья для меня теперь родная... А с памятником на могилку... не волнуйтесь... постараюсь помочь – у меня связи, знакомства... сделаем недорого и достойно...» – «Что вы...» – руки Тамары Александровны от растерянности поднялись вверх, а потом сложились в благодарном жесте крестом на груди. «Иначе и быть не может, – гость приложил правую руку к сердцу, – в долгу я перед Василием...»

Молодые люди, присланные «нести гроб», покачиваясь, встали из-за стола и тоже попрощались. Оставалось ещё несколько родственников и соседей.

«Мама, – спросила Тамару Александровну её дочь, принявшаяся убирать со стола ненужную посуду, – а что за околесицу нёс этот Сергей Иванович? Отличник, по химии дал списать... Представляю, как бы папаша сейчас веселился... Ну просто Менделеев с колбой в руке... А впрочем... когда он на фабрике-то работал, они, наверное, там всем цехом ломали голову: как бы так схимичить, чтобы из денатурата или политуры чистый спирт можно было выщезивать...»

«Как же ты так можешь... Нина... – растерянно отозвалась Тамара Александровна. – В такой момент... Может, про экзамен Сергей Иванович и перепутал что-то, но разве сейчас это важно? У нас же поминки!...»

«Покойника всегда хвалить надо – как ребёнка...» – поддержала вдову бабушка Николаевна и очередной раз всхлипнула.

«И я про то, – повернулась к ней Тамара Александровна. – Человек дружил с её отцом, помнил его всю жизнь, искал... Так прочувствованно о нём...»

«В долгу, говорит, я перед Степаньчем...» – снова поддакнула слезливая старушка.

«Да Бог с вами... – отмахнулась Нина. – В общем-то он человек приятный...»

«Достойный он мужчина, солидный – вот в чём дело, – рассудительно завершила тему Тамара Александровна. – Не чета Васиным собутыльникам...»

Сергей Иванович не появился в семье покойного ни на девятый день, ни на сороковой. Решили, что он приболел, и очень сожалели, что в спешке не обменялись с ним телефонами.

Спустя несколько месяцев умер один из моих сослуживцев, и мне довелось снова оказаться на кладбище. На одной из аллей я увидел ещё одну похоронную процессию, к которой торопливой походкой приближался Сергей Иванович. Захотелось догнать старика, поприветствовать, спросить, почему он не бывает у Тамары Александровны. Сергей Иванович тем временем поравнялся с гробом, привстал на цыпочки, посмотрел на покойника и нырнул в ряды провожавших. Когда я подошёл ближе, он уже разговаривал с одной из пожилых женщин: «Какое несчастье... Какое несчастье! Вы тоже хорошо знали усопшего?..» Голос и вид его были воплощением скорби. «Немного опоздал, – сетовал он, – автобусы ходят редко. Не знаете, есть ли среди провожающих школьные товарищи покойного?» – «Так откуда им взяться, – вздохнула женщина, – Геннадий Митрофанович родом из Калуги, в Москву после школы приехал – в институт... потом женился...» – «Да... да... это я знаю, что из Калуги... Бедный Гена... Мы ведь с ним мальчишками в былые-то времена на Оке ивовыми удочками...»

С минуту ещё я потоптался за его спиной, не понимая, что лучше предпринять, потом повернулся и пошёл назад.

И уже вечером, перед сном, взгляд мой случайно упал на книжную полку, и я сразу обратил внимание на корешок книги, которую все помнят почти наизусть. В ней рассказывается об обаятельном аферисте, выдававшем себя за сына лейтенанта Шмидта. Мне показалось, что теперь я знаю недописанный конец этой истории.